
Кому-то ты читаешь в первый раз
Кому-то до тебя стихов не слышал
В том смысле чтоб вот так
с глазу на глаз
плечом к плечу
антенной к телевышке

А на мосту такая тишь да гладь
И под мостом такие теплоходы

И хочется благословить природу
что из ведра спускается на нас

И всех кто нас не замечает
А от дождя укрылся под мостом
Им дела нет что мы с тобой
как НЛО встречаем
наш первый рок-н-рольный гром

ПОЛУТРУП С ЛЕБЯЖЬЕГО ОСТРОВА

Блуждает бронхитное небо в поисках жертвы
вечерней
Пронзительно дохая нечеловеческим кашлем
И рты разевают канализационные люки и прочие
бреши
Луна прохлаждается в гордом своем одиночестве
в злачном тумане
Лишь прыскает дождик слегка намокая на что-то
живое
И в сумраке ежик встречает своей Пенелопы
мохнатую шею
И Крузенштерн утыкается всюю платформой
в новую землю
Земля прогибается морщится форму былую теряя
Сверчок догорает Блуждает бронхитное небо
Ты разбегаешься над моей пропастью яркой
звездой застывая
Яркой звездой застывая завязочкой Кассиопеи
Это не видит никто и меня отпускает

ВО ВСЁМ ЕСТЬ КРАСОТА

Прожить остаток жизни в Подмоскowie
не пить сухой портвейн и не ругаться матом
укрыться старым полосатым пледом
Закончить ту главу, которой ещё нет
где мы с тобою летом в Подмоскowie
а может быть в Крыму, всё может статься
не пьем сухой портвейн Стареем потихоньку
в обнимку с самой долгожданной книгой
имея всё на свете, не имея ни гроша
во всём есть красота, душа моя
во всём есть красота

и в этом пне
и в том дожде
и в зонтике у старого вокзала
Торчат уж спицы из него,
проклёвана наружность

во всём есть красота, душа моя
и никому ненужность

Во всём есть красота

ДУДУК

Дудук ты странный зверь в лесу утробных звуков

Кто ты плакучий водолей до-ре и се-ля-ви и божия
поддувка
серебряный сендей туман армянская головоломка
расплавленная костка абрикоса покрытая
лирическую стружкой

Ты вдовая волынчатая душка Ты ангел ты же
чертика краюшка

Кто ты Дудук ты камень ножницы бумага сусу-
сундук Дырявенькая трубка мира
Ты иждивенец древа иль его венец?
Слоном ужаленная рыбка простуженная флейта
мой Том Вэйтс
Кто ты когда в траве сидели Фимка да кузнец
Ужель конец Дудук ужель конец

Лети-лети ко мне мой ласковый тревожный зверь
Дудука
сыграем в подкидного дурака
О поминальный сруб Творца
О беспризорное вангоговское УХО

Дудук ты мне иль не Дудук
Но прилети ко мне на крыльях журавля

ОСЕНЬ

И молила осень:
Осип, Осип, Осип

И кричала осень:
Просим, просим, просим

И устала осень
В восемь, восемь, восемь

Парусами оземь
Осень, осень, осень

Кто слышит музыку
тот счастлив
одной минутой
проведённой
с Богом наедине.

Кто слышит музыку
тому подсказка
что истина
на небесах
а не в вине.

И я бы
всё бы отдала
за музыку
и за подсказку

Завидую
лишь тем
кто слышит музыку
как в детстве сказку
Раскачивая дальше
карусель.

Оставь надежду всяк сюда входящий
Здесь холод и туман и нету места сесть
В каком бреду брела я по скользящей
Но не на что тут даже посмотреть

Но не к чему тут даже прикоснуться
и сквозь туман глотая воздух плыть
В какой руке зажато то искусство
Которое давно пора забыть?

Любила я немногих
красивых и двурогих
как тополь одиноких
и звонких, как струна

Но в общем-то немногих
особенно двуногих
больных и однобоких
но больше всех — себя

Прости Господи
Впусти Господи
к тебе в Госпиталь

Рука об руку
Душа об душу
все Гости там

Земля и небо
по колено
с тобой Господи

Господи
не отпускай

WATER LILIES

Миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы
Положите камни на пианино
для красоты
Пускай звучат
Пускай звучит всё в этом доме —
Линии, камни и цветы,
Каждый день этого лета

Пусть барабанит по клавишам дождь
Пускай вытекают песочные часы
пролетает кукушка, падают звёзды
и цветёт водяная лилия,
что прекраснее всех

Пускай рождаются и умирают народы
Проходят все сроки, все войны, пиры

Только дождь стучит по клавишам
и миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы

Поэзия хрупка как сталь
и новодевичий хрусталь
берёт начало из реки,
где моют ноги рыбаки

берёт начало у причала
где мать дитя своё качала
где провожали корабли
где моют ноги рыбаки

Давай с тобою погуляем по Москве
плечом к плечу, рука в руке
давай запустим в небо дирижабль
в него посадим дирижёра Большого
симфонического оркестра
пусть дирижирует он ласточками
галочками, воздушными шарами
руль вместо пюпитра
за скрипку будет соловей
но-но, приятель, не жалеЙ

ты не жалеЙ убитых пней
у нас с тобой ещё полжизни чтоб всех спасти
всех накормить, обуть, одеть, отпеть
у нас с тобой ещё вся жизнь
которую нам не понять

у нас с тобой ещё лет пять
а может шесть чтоб вырастить троих детей
да-да, троих
ведь так цыганка и сказала глядя мне в ладонь как
будто в воду:
«А детей у вас будет только трое»

Ну что? Опять ты за своё? какое горе
говорю, какое горе
Какое горе на Кудыкиной горе
опять подорожали помидоры
ну, Вась, ведь мы ж с тобой не воры
Не будем больше воровать, окей?

У нас с тобой в запасе целый миг
который если приглядеться — вечность
у нас с тобой в запястье целый мир
длиною в бесконечность

Так вот, приятель, лучше принеси пенсне
не вижу что-то я того вон дядьку
куда он делся, ёшкин пень,
ведь только что скакал вприпрыжку
И вдруг пропал
Какая тяжесть (зачёркнуто) какая жалость

...разбитые очки, шуршанье в зале
я знаю кажется в чём дело —
кондуктор не нажал на тормоза
и пухом нет землёю ему стала сцена

А знаешь, Вась, мне всё-таки понравилось
в Большом театре

Это просто
как два пальца об стол
обосрать свою родину или отчизну
вспоминать времена большевизма
и давиться милитаристской чепухой

Гораздо сложнее любить ненавидя
Было б за что
А повод всегда найдётся
Сесть на пенёк да с утра уколоться
В синем густом тумане
поехать к маме
и прорыдаться в подол

Ох нелегко любить
когда всё сгубили
когда о родине
напоминают только родинки на щеке
и то далеко не все

СТАРЫЙ МАЛЬЧИК

Она писала ежедневно еженощно
Она писала словно проглотив
Одну большую кость от рыбы
Боясь вздохнуть иль сделать шаг

Она писала так как будто
Хотела в Книгу Гиннеса попасть
Как будто бы в последний раз
И всякий раз не так удачно
Как ей хотелось написать

А он читал не торопясь
Букву пропустить боясь
И всматривался в почерк
Как будто старый мальчик
Косил траву и всё читал
Как будто под гипноз попал
И руки холодели

Ей было восемьдесят девять
О чём узнал он
в конце письма
Простым постскриптумом в три точки

...я вас люблю-с, чего же боле
позвольте отойти уж на покой
не стойте за спиной с косою
мне восемьдесят девять
старый мальчик

К нам прилипают фильмы
кастрюли и сковородки
теле- и радиопередачи
и музыка между ними

К нам прилипает реклама
новости в перерывах
и диктор с кривыми усами
передающий погоду

К нам прилипают книги
хорошие и не очень
к нам прилипают деньги
без которых нельзя прожить

Но в какой-то момент
как к сковородке
перестаёт прилипать всё плохое
ненужное и наносное
И тогда уже можно жить

Из чего слепили тебя, деточка?
Сколько гонора в каждой клеточке
Сколько яркого и ненужного
барахла в твоей шкатулочке

Сколько звёзд и спутников в твоей окружности
И кто так убедил тебя в твоей нужности?
Чтоб стрелять без промаха, без осечечки
По чужим планетам — не по-человечески

Сколько лет тебе, сколько зим в ребро
Лето за зиму утекло
Из чего слепили тебя, деточка?
Видимо из великого НИЧЕГО

НЕСКУЧНЫЙ САД

Давай пойдём с тобой в Нескучный сад
там листьев золотые шевелюры
и сыпятся бумажные купюры
Там сердце осени, и осени разврат

Мне скучно, отведи меня в Нескучный сад

Я теряюсь, когда вы на меня смотрите
Когда динозавры бродят по комнате
Когда сердце подступает к горлу
И коленные чашечки трясутся словно фарфоровые

Я вам скажу — не надо на меня ТАК смотреть
Как будто я есть в вашем сердце
Ведь у вас другая невеста
И вообще нечего на меня смотреть

Смотрите на картину на стене
На кота, в окно или просто смотрите
Как уходит от вас самый близкий и родной человек

Которого вы скоро забудете

Как игрушку в песочнице

Но будете помнить всю жизнь

Что её звали Мишка